

В.И. ИВАНОВА

*(Кемеровский Государственный Университет,
Кемерово, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Кушнер А.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА (АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «НИЗКОРОСЛОЙ РЮМОЧКИ ПУЗАТОЙ...»)

Аннотация. В статье рассматривается тема предметного мира Александра Кушнера. Интерпретация стихотворения «Низкорослой рюмочки пузатой» позволяет увидеть своеобразие одной из констант поэтического мира автора. Так, в основе лирического сюжета оказывается стремление к гармонизации отношений лирического «Я» с предметным миром, в котором организующим сюжетным началом стихотворения является мотив пристального зрения. Анализ образного, мотивного, тематического, композиционного, ритмического, речевого уровней стихотворения позволяет увидеть, как визуальное восприятие помогает субъекту высказывания выйти за границы химерического, неустойчивого, дионисийского пространства мира, где идентичность растворяется в потоке времени, сливается с суетой современной жизни. Возможность осознания неизменности жизни и вечности духовных устремлений, преодоление тревожности и чувства уязвимости позволяет ощутить полноту жизни, а слияние с миром и погружение в реальность происходит посредством оформления через аполлоническое созерцание, выраженное в тексте тремя перцепциями: тактильной, зрительной, звуковой, которые в совокупности усиливают контакт с объектом и становятся источником гармоничной согласованности с жизнью. Предметность поэтического мира Александра Кушнера оказывается одним из индивидуально-авторских свойств аполлонистической творческой стратегии.

Ключевые слова: Александр Кушнер, предметный мир, аполлонизм, мотив пристального зрения.

Низкорослой рюмочки пузатой
Помнят пальцы тяжесть и объем
И вдали от скатерти измятой,
Синеватым залитой вином.

У нее такое утолщенье,
Центр стеклянной тяжести внизу.
Как люблю я пристальное зреньё
С ощущеньем точности в глазу!

И еще тот призыв истеричный,
Если палец съедет по стеклу!
И еще тот хаос пограничный,
Абазур, подтянутый к столу.

Боже мой, какие там химеры
За спиной склубились в темноте!
И какие страшные примеры
Нам молва приносит на хвосте!

И нельзя сказать, что я любитель,
Проводящий время в столбняке,
А скорее, слушатель и зритель
И вращатель рюмочки в руке.

Убыстритель рюмочки, качатель,
Рассмотритель блещущей – на свет,
Замедлитель гибели, пытатель,
Упредитель, сдерживатель бед.

Связь человека с окружающим миром, с миром быта – это одна из исходных констант поэтической системы Александра Семеновича Кушнера.

На повышенное внимание Кушнера к миру вещей не раз обращали внимание критики и литературоведы. В 1963 году в Журнале «Новый мир» А. Асаркан пишет рецензию на сборник «Первое впечатление». В своей рецензии он выделяет в стихотворениях Кушнера глубину и говорит о сильной стороне автора – «плотности» и «вещности» материального мира [Асаркан 1970: 283]. Ту же плотность и умение из каждого предмета создавать произведение искусства в Кушнере увидел Г. Краснухин [Краснухин 1963: 253].

О соотношении предметного мира и мира души говорит в своей работе и А. Урбан [Урбан 1986: 151-158]. Он отмечает, что А. Кушнер

пытается «овеществить и вочеловечить дух, а вещественность одухотворить» [Урбан 1986: 154]. Кушнеровские стихи – это стихи о жизни и из жизни, а сам поэт – поэт текущей жизни. «Он вникает в летящее мгновение и пытается продлить, раздвинуть его рамки, поселиться в нем так, чтобы можно было уловить его смысл и вкус» [Урбан 1986: 158].

На сегодняшний день существует одна монография, посвященная лирике А. Кушнера. Автор исследования Д.Б. Пэн определяет систему пространственно-временных координат быта и бытия его лирического героя, говорит о предметности его мира [Пэн 1992], о природе, смерти, жизни и т.д.

Возрастающий интерес читателей, критиков, литературоведов к поэзии А. Кушнера привел к тому, что в наше время он приобрел негласный статус классика современной литературы. На первый план выходит необходимость изучения поэтического мира А. Кушнера. Но осмысление его художественной реальности во всей её полноте должно предваряться детальным изучением отдельных свойств. И так как внимание к «вещному миру» является одной из важнейших особенностей лирики А. Кушнера, обратимся к его анализу в стихотворении «Низкорослой рюмочки пузатой».

Стихотворение было напечатано в 1975 году в сборнике «Дневные сны» и принадлежит к разделу «Пристальное зрение». Мотив пристального взгляда организует развитие лирического сюжета в этом стихотворении, поскольку лирический герой изначально предстает перед нами как созерцатель, устремивший свой взгляд на «низкорослую» и «пузатую» рюмочку. Причем уменьшительно-ласкательная форма, в которой употребляется слово, и олицетворения свидетельствуют об особом отношении лирического «Я» к созерцанию предмета. Рюмочка становится одухотворенным лирическим центром стихотворения, источником впечатлений и воспоминаний для субъекта высказывания, она отражает связь не с предметным, бездушным миром, а с живым, человеческим.

Стихотворение начинается с тактильного освоения предмета лирическим героем: пальцы словно становятся одушевленными и точно «помнят тяжесть и объем» рюмочки, которая в свою очередь определяет ракурс восприятия лирического героя, так как остальные предметы комнаты он видит сквозь её призму.

Спектр ощущений в стихотворении расширяется благодаря появлению зрительного восприятия. На периферии зрения оказывается скатерть. Она показывает наполнение объекта зрения: «Синеватым

залитой вином» и подчеркивает ключевой характер мотива вина, которое в стихотворении имеет сакральное свойство и напоминает о дионисийском, творческом начале. Это начало выражено и в самой скатерти. Эпитет «измятая» говорит о метаморфозе, которая произошла с предметом, о соприкосновении хаоса и порядка. Дионисийское растворение и погружение в реальность происходит посредством оформления через аполлоническое созерцание – через рюмочку. И новый угол рассмотрения объекта лирический герой избирает в следующей строфе. Он, заглядывая внутрь предмета, находит «Центр стеклянной тяжести внизу», его поражает утолщение предмета, на что указывает местоимение «такое». Лирический герой не просто восхищается рюмочкой, он любит «пристальное зреньё / С ощущеньем точности в глазу!», он желает запечатлеть, продлить летящее мгновение, образ, ощущение, уловить его смысл, значительность предмета.

В третьей строфе благодаря олицетворению появляется третий уровень восприятия предмета – его звук. Рюмочка становится «истеричной», «Если палец съедет по стеклу!».

Внимание привлекает отсутствие двух других перцепций – обоняния и вкуса. Субъект не вкушает того, что налито в рюмочке и даже аромата не чувствует. То, что с ним происходит – это результат созерцания, а не опьянения. Такое стремление к стройности и мерности жизни, желание постичь гармонию характерно для принципа другого философско-эстетического понятия – аполлонистического начала. Еще одной такой характерной чертой противопоставления дионисийскому, является создание иллюзорности, как бы прикрывающей действительность. Эпитеты показывают, как взаимодействие субъекта и объекта воздействует на окружающее: благодаря тому, что герой смотрит сквозь утолщенное стекло, предметы становятся более приближенными и возникает оптическая иллюзия, рюмочка как бы притягивает абажур к столу. Такое намеренное искажение дает возможность увидеть через отражение в стекле химер, которые «За спиной склублились в темноте!». Для придания эмоциональной окраски используется эпитет «страшные», а сам образ химер, который говорит о тревожном состоянии лирического героя, вызван ощущением катастрофизма эпохи с её ритмом жизни, под воздействием которой приходит забвение о своем онтологическом «я», о своей человечности как таковой. Вытащить из химерического пространства суеты и спешки, помочь преодолеть дионисийский хаос может только рюмочка, которая на протяжении

всего стихотворения остается самоценна. Только она способна остановить бег времени, помочь увидеть неизменность жизни в предметном мире и вечность духовных устремлений человеческого «Я». Это видение стирает границу между бытовым, житейским и бытийственным, поэтому предметы, ставшие действующими лицами повседневности, помогают ощутить полноту жизни и стать «Замедлителем гибели, пытателем, / Упредителем, сдерживателем бед».

Нагнетание силы однородных выразительных средств, передающих роль субъекта по отношению к рюмочке, происходит в пятой строфе. В шестой строфе градация становится насыщеннее, что говорит о тесной связи объекта и субъекта. Это подтверждает перифраза «блещущей», которая подтверждает существующую между ними интимно-символистическую связь, оказывающую сильное эмоциональное воздействие на субъекта. О сокровенности и близости встречи героя говорит и поэтическое пространство стихотворения. Темнота символизирует волнение, которое испытывает герой, а также является выражением, не воспринимаемого взором окружающего. И среди этого пространства прорисовываются мельчайшие детали комнаты: измятая скатерть, абажур и рюмочка. Темное и замкнутое поэтическое пространство комнаты сближают субъекта высказывания с предметами обихода.

Стремление ухватить суть предметного мира прослеживается также на синтаксическом уровне. В третьей строфе отмечаются лексические повторы «И еще тот», которые делают строфу более интенсивной и динамичной, что говорит о желании субъекта познать вещь в различных её категориях. И, несмотря на то, что герой пристально смотрит на рюмочку, он хочет скорее познать её суть. Впечатление нарастания лирического волнения, направленного к объекту наблюдается в пятой и шестой строфе благодаря использованию строфической анафоры, выраженной союзом "и". С её помощью показывается выражение восхищения, завораживающей тяги к миру вещей и предметов отражается в насыщении стихотворения восклицаниями во второй, третьей и четвертой строфе.

Спокойный тон лирического героя и стремление к гармонии с предметным миром можно проследить и на уровне формы. Стихотворение написано пятистопным ямбом. История этого размера показывает тяготение пятистопного ямба к трагедии [Гаспаров 2003: 167]. На наш взгляд это не случайно, ведь стихотворение соединяет в себе элементы двух начал. Субъект высказывания, с одной стороны,

пребывает в мире хаоса, в мире, где идентичность растворяется на фоне времени, сливается с суетой жизни. С другой – он находит в предметном мире, где рюмочка помогает ему найти порядок и гармонию в жизни, противостоять напору времени, что подчеркивается перекрестной рифмовкой с чередованием женской (в нечетных строках) и мужской (в четных) рифмы, которая по совпадению звучания всегда точная. Таким образом, ритмический рисунок отражает двойственность восприятия мира – дионисийский мотив и катарсический мотив ведет к упорядочиванию жизни через созерцание предметной реальности, которая отсылает к аполлоническому принципу. Данный принцип уже отмечался исследователями аполлонистических стратегий Кушнера в работах В.Н. Топорова [Топоров 2004: 220], Н.В. Налегач [Налегач 2012: 226 – 236]. В проанализированном стихотворении, индивидуально-авторским способом воплощения принципа аполлонизма, средством гармонизации выступает пристальное зрение, поэтому в лирике А. Кушнера так важен предметный мир, созерцаемый лирическим субъектом.

ЛИТЕРАТУРА

Асаркан А. Александр Кушнер. Первое впечатление. Стихи. «Советский писатель» // «Новый мир». 1963. № 6. С. 283.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. – М.: Фортуна Лимитед, 2003. – 325 с.

Гинзбург Л.Я. Вещный мир: О лирике. – М.: Интрада, 1997. – 408 с.

Краснухин Г. «И разговор у нас совсем иной пошел» // «Новый мир». 1970. № 3. С. 252-254.

Налегач Н.В. Поэтика отражений И.Анненского и феномен поэтического диалога в русской лирике 20 века: монография. – Кемерово: КемГУ, 2012.

Пэн Д.Б. Мир в поэзии А.Кушнера: монография. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1992. – 63 с.

Топоров, В. Н. Из истории петербургского аполлонизма: его золотые дни и крушение. – М.: ОГИ, 2004. – 264 с.

Урбан А.А. Пятая стихия // «Нева». 1986. № 9. С. 151-160.

Статья рекомендована д.ф.н., доц. Н.В. Налегач